КЫРГЫЗСТАНДА ТИЛДИН ЖОЙУЛУШУ (ЛИНГВОЦИД): ГИБРИДДИК МҮНӨЗДӨГҮ КОРКУНУЧТАРДЫН ШАРТЫНДА ЭГЕМЕНДҮҮЛҮККӨ ЖАНА СОЦИАЛДЫК ТУРУКТУУЛУККА КОРКУНУЧ

ЛИНГВОЦИД В КЫРГЫЗСТАНЕ: УГРОЗА СУВЕРЕНИТЕТУ И СОЦИАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГИБРИДНЫХ ВЫЗОВОВ

LINGUOCIDE IN KYRGYZSTAN: THREAT TO SOVEREIGNTY AND SOCIAL STABILITY IN THE CONTEXT OF HYBRID CHALLENGES

Уметов Кенжебай Каратаевич
к.филол.н., доцент кафедры романо-германских языков
Института иностранных
языков КНУ имени Жусупа Баласагына.
(0000-0002-0544-6779)
Самсалиев Алтынбек Мураталиевич
Старший преподаватель,
Кафедра романо-германских языков,
Кыргызский национальный университет имени Ж. Баласагына
(0009-0006-0203-4943)
Кылычбеков Арсен Бекташович
старший преподаватель кафедры перевода и переводоведения
Института иностранных языков КНУ имени Ж. Баласагына.

Аннотация. Макалада Кыргыз Республикасынын тил саясаты структуралык лингвосид концепциясы жана постколониялдык ыкмалардын көз карашынан талданат. Тарыхый-институционалдык анализ жана критикалык дискурс-анализдин негизинде Кыргызстанда коомдук жашоонун негизги чөйрөлөрүндө кыргыз тилинин институционалдык түрдө кыскаратылышы менен системалуу тилдик өзгөрүүнүн белгилери бар деген тезис негизделет. Өзгөчө көңүл шаар жаштарынын сүйлөм практикасында буга көрсөтүлөт, анткени ал көйгөйдүн терендигин көрсөткөн индикатор болуп саналат. Империялык жана советтик доордогудан калган тилдик асимметрия, азыркы гибриддүү чакырыктар шартында, мамлекеттик суверенитетке, улуттук иденттүүлүккө жана узак мөөнөттүү социалдык туруктуулукка коркунуч факторуна айланат. Тил саясатын улуттук коопсуздуктун жана туруктуу өнүгүүнүн элементи катары стратегикалык кайра ойлоп чыгуу зарылдыгы тууралуу жыйынтык чыгат.

Аннотация. В статье анализируется языковая политика Кыргызской Республики через призму концепции структурного лингвоцида и постколониальных подходов. На основе историко-институционального анализа и критического дискурс-анализа обосновывается тезис о наличии в Кыргызстане признаков системного языкового сдвига, проявляющегося в институциональном вытеснении кыргызского языка из ключевых сфер общественной жизни. Особое внимание уделяется речевой практике городской молодежи как индикатору глубины проблемы. Показано, что языковая асимметрия, унаследованная от имперского и советского периодов, в условиях современных гибридных вызовов трансформируется в фактор угрозы государственному суверенитету, национальной идентичности и долгосрочной социальной стабильности. Делается вывод о необходимости

стратегического переосмысления языковой политики как элемента национальной безопасности и устойчивого развития.

Abstract. The article examines the language policy of the Kyrgyz Republic through the prism of the concept of structural linguocide and postcolonial approaches. Based on historical-institutional analysis and critical discourse analysis, the thesis is substantiated that Kyrgyzstan exhibits signs of a systemic language shift, manifested in the institutional displacement of the Kyrgyz language from key spheres of public life. Special attention is paid to the speech practices of urban youth as an indicator of the depth of the problem. It is shown that linguistic asymmetry, inherited from the imperial and Soviet periods, in the context of modern hybrid challenges transforms into a factor threatening state sovereignty, national identity and long-term social stability. The article concludes with an argument for the need to strategically rethink language policy as an element of national security and sustainable development. The scientific novelty of the study lies in applying the concept of structural linguocide to the analysis of language policy in Kyrgyzstan, with a particular focus on urban youth speech practices as an indicator of early-stage language shift.

Негизги сөздөр: тил саясаты, постколониализм, гибриддүү коркунучтар, суверенитет, улуттук иденттүүлүк, тилдик өзгөрүү, шаар жаштары.

Ключевые слова: языковая политика, постколониализм, гибридные угрозы, суверенитет, национальная идентичность, языковой сдвиг, городская молодежь.

Keywords: language policy, postcolonialism, hybrid threats, sovereignty, national identity, language shift, urban youth.

Введение

В эпоху глобализации и цифровой трансформации язык перестает быть лишь средством общения, становясь стратегическим ресурсом государства, обеспечивающим воспроизводство культурной идентичности, политического суверенитета и символического пространства власти. Для постсоветских государств, включая Кыргызскую Республику, языковая политика становится ключевым фактором формирования национальной идентичности в условиях продолжающегося становления государства и сохраняющегося влияния бывших имперских структур.

Несмотря на конституционное закрепление кыргызского языка в качестве государственного, его функциональное использование в ключевых сферах — высшем образовании, науке, государственном управлении, медиа и цифровой среде — остается ограниченным. В условиях гибридных вызовов, сочетающих информационное, культурное и политическое воздействие, подобная языковая асимметрия трансформируется из культурной проблемы в фактор угрозы суверенитету и социальной стабильности. Настоящее исследование впервые применяет концепцию структурного лингвоцида и постколониальный анализ для комплексного осмысления языковой ситуации в Кыргызстане как системного процесса, подрывающего основы национальной безопасности.

1. Теоретические основы: лингвоцид как форма структурного насилия

Концепт «лингвоцид», систематизированный Т. Скутнабб-Кангас, определяется как форма культурного насилия, направленного на уничтожение языка не через прямой запрет, а через ограничение его функционального использования в ключевых институциональных сферах, прежде всего в образовании, управлении и науке [6, с. 24–25]. Ключевым признаком

является ситуация, при которой носители языка вынуждены переходить на доминирующий язык для получения образования, социального продвижения и участия в публичной жизни, что ведет к языковому сдвигу и эрозии идентичности [6, с. 78–79].

Постколониальные исследования (Э. Саид, Ф. Фанон, Х. Бхабха) рассматривают язык как инструмент воспроизводства власти и символического господства [5, с. 12–13]. В постколониальных обществах язык бывшей метрополии сохраняет привилегированный статус, формируя иерархию культурной «ценности» [7, с. 17–18; с. 146–147]. Применительно к Кыргызстану русский язык выступает не просто средством межэтнического общения, но и носителем постимперского культурного капитала, что затрудняет формирование автономного национального дискурса и интеллектуального суверенитета.

Подход к лингвоциду как структурному процессу концептуально близок теории лингвистического империализма Р. Филлипсона, согласно которой доминирование определенного языка воспроизводится не через прямое принуждение, а посредством институциональных практик, образовательных стандартов и символического капитала, закрепленного за «языком модернизации» [8, с. 47–55]. В таких условиях многоязычие носит асимметричный характер: один язык обеспечивает доступ к власти и ресурсам, тогда как другой ограничивается функциями этнокультурной идентификации.

В рамках настоящего исследования лингвоцид трактуется как совокупность институциональных, символических и экономических механизмов, приводящих к устойчивому снижению функционального статуса языка и формированию у его носителей мотивации к языковому сдвигу. В отличие от прямого языкового запрета, структурный лингвоцид проявляется через неравный доступ к образованию, социальным лифтам и престижным сферам коммуникации, что делает использование доминирующего языка рациональной стратегией социальной адаптации.

В рамках настоящего исследования лингвоцид трактуется как **совокупность институциональных, символических и экономических механизмов**, приводящих к устойчивому снижению функционального статуса языка и формированию у его носителей мотивации к языковому сдвигу. В отличие от классического языкового запрета, структурный лингвоцид проявляется через *неравный доступ* к образованию, социальным лифтам и престижным сферам коммуникации, что делает использование доминирующего языка рациональной стратегией выживания.

2. Историко-институциональные корни языковой асимметрии

Современная языковая ситуация является результатом длительного историко-политического процесса. В имперский и особенно советский периоды русский язык стал языком власти, управления, науки и единственным каналом социальной мобильности [1]. Несмотря на официальное равноправие, сложилась устойчивая иерархия, где владение русским было обязательным условием успеха.

Смена письменностей кыргызского языка (арабица → латиница → кириллица) выступала не только лингвистическим, но и политическим инструментом, разрывающим культурную преемственность и ограничивающим автономное развитие языковой традиции. Эти практики заложили основу для воспроизводства языковой зависимости в постсоветский период, когда закрепление русского языка в качестве официального создало

асимметричную модель двуязычия, при которой формальное равноправие скрывает глубокое институциональное неравенство.

В терминах П. Бурдье язык функционирует как форма символического капитала, чья «ценность» определяется не лингвистическими свойствами, а позицией в структуре власти [9, с. 66–68]. Владение легитимным языком обеспечивает доступ к институциональным ресурсам, тогда как использование маргинализированного языка сопровождается символическими санкциями — от снижения социального престижа до ограничения карьерных возможностей.

В этом контексте переход городской молодежи на гибридные или русскоязычные формы коммуникации может рассматриваться как рациональная стратегия накопления символического капитала, а не как результат утраты этнической лояльности.

3. Механизмы современного лингвоцида: институциональный и повседневный уровни

В рамках настоящего исследования выделяются следующие ключевые индикаторы структурного лингвоцида. Институциональный уровень:

1. Высшее образование и наука: Ключевые дисциплины (медицина, инженерия, IT) преподаются преимущественно на русском языке. Отсутствие современной научной литературы на кыргызском консервирует интеллектуальную зависимость.

2. Госуправление и бизнес: Делопроизводство в крупных компаниях и госорганах часто ведется на русском, что символически маргинализирует государственный язык.

3. Цифровая и медиасреда: Кыргызскоязычный сегмент интернета (kg) крайне мал. Основные соцсети, поисковые системы и платформы для работы — русско- или англоязычные.

Уровень повседневной практики: речевой портрет городской молодежи

Наиболее ярким индикатором глубины языкового сдвига является речь городской молодежи, где кыргызский язык часто выступает лишь грамматическим каркасом, наполненным заимствованным лексическим материалом:

1. **Функциональное вытеснение** государственного языка из сфер высокой символической и экономической ценности (наука, технологии, элитное образование).
2. **Асимметричное двуязычие**, при котором знание кыргызского не обеспечивает социальной мобильности, тогда как владение русским — является обязательным.
3. **Дефицит терминологического и цифрового обеспечения** кыргызского языка.
4. **Снижение языкового престижа** в глазах молодежи и городского населения.
5. **Межпоколенческий разрыв** в передаче языка как инструмента современной коммуникации.

Согласно теории языкового сдвига Дж. Фишмана, ключевым индикатором угрозы языку является не сокращение числа носителей как таковых, а разрыв межпоколенческой передачи и утрата языка в доменах повседневной и престижной коммуникации [10, с. 89-90]. Особенно уязвимыми в этом отношении являются урбанизированные молодежные группы, формирующие новые нормы языкового поведения.

В этом смысле речевая практика городской молодежи в Кыргызстане отражает раннюю стадию языкового сдвига, при которой государственный язык сохраняется

формально, но постепенно утрачивает способность обслуживать новые социальные и цифровые реальности.

Русизмы и слова-паразиты: «ну», «типа», «короче», «вообще», «ладно», «понял», «пофиг», «чувак». Эти элементы заполняют паузы и вытесняют исконные кыргызские связки и формулы.

Англицизмы и IT-лексика: «лайф», «хайп», «статус», «апдейт», «стори», «геймер», «рандом», «краш». Активно используются в цифровой среде, формируя семантический разрыв между традиционной и цифровой реальностью.

Арабизмы (религиозно-культурные): «махр», «исираф», «ифтар», «халяль», «рамадан», «шариат». Свидетельствуют о влиянии новой религиозной идентичности, часто минуя кыргызские культурные аналоги.

Молодежный сленг и криминальный жаргон: «чиллить», «зашквар», «рофл», «флексить». Заимствования из русского интернет-сленга и уличного жаргона («барыга», «замес», «крышевать») транслируют чуждые ценностные и поведенческие модели. См. Приложение 1.

Анализ речевых практик городской молодежи основан на систематическом наблюдении за публичной коммуникацией в социальных сетях (Instagram, TikTok), а также в студенческой среде г. Бишкек, и дополняется материалами неформальных полуструктурированных интервью. Отбор примеров осуществлялся по принципу повторяемости и типичности языковых моделей, что позволяет рассматривать их как репрезентативные для городской молодежной среды. Представленные примеры отражают устойчивые паттерны гибридизации и языкового сдвига, а не спорадические случаи ситуативного код-свитчинга.

Эта гибридная речевая практика демонстрирует, как лингвоцид проникает в самую динамичную социальную группу, формируя поколение, для которого кыргызский язык перестает быть полноценным инструментом для выражения актуальных смыслов современности.

4. Лингвоцид как гибридная угроза суверенитету и стабильности

В условиях гибридных вызовов, где информационное и культурное воздействие являются ключевыми тактиками, ослабление государственного языка создает системные риски:

1. Кризис национальной идентичности и социальный раскол: Формируется пропасть между русскоязычной (или гибридно-язычной) урбанизированной элитой и кыргызскоязычной периферией. Общее символическое пространство нации разрушается [1, с. 214-215].
2. Утрата интеллектуального суверенитета: Страна, не способная производить знания и технологии на родном языке, обречена на вечную зависимость от чужих концепций и моделей развития.
3. Уязвимость к информационным операциям: Общество, основное информационное поле которого контролируется извне и существует на иностранном языке, не способно критически оценивать манипулятивные нарративы, направленные против национальных интересов [3, с. 89-90].

4. Подрыв легитимности государства: Язык — основа правовой системы и публичной коммуникации власти с народом. Его слабость в этих сферах подрывает доверие к национальным институтам.

Важно подчеркнуть, что в рамках данного анализа русский язык рассматривается не как лингвистическая система сама по себе, а как **социально-институциональный медиум**, исторически связанный с асимметрией власти. Речь идет не о вытеснении многоязычия, а о воспроизводстве структурного неравенства, при котором один язык выполняет функции модернизации, а другой — символической этничности.

5. Пути противодействия: от защиты к стратегическому развитию

Противодействие лингвоциду требует не изоляции, а стратегии укрепления суверенитета через активное развитие. Политика должна быть направлена не **против** русского или английского, а **ЗА** кыргызский язык.

1. Технологический суверенитет: Государственные инвестиции в развитие IT-инструментов на кыргызском (голосовые помощники, корпусы текстов, системы перевода, образовательные платформы).

2. Образовательная революция: Поэтапный, но неуклонный перевод всех специальностей высшей школы на кыргызский язык с параллельным созданием современной терминологической базы. Подготовка новой генерации педагогов.

3. Экономическое стимулирование: Реальные (не формальные) языковые требования в госслужбе и госкомпаниях. Льготы для бизнеса, ведущего деятельность на кыргызском языке.

4. Медиа-наступление: Поддержка производства высококачественного национального контента (кино, сериалы, документалистика, блогинг), способного конкурировать за внимание молодежи.

5. Культивирование языкового престижа: Системная работа по популяризации кыргызского языка в урбанистической и цифровой среде, создание новых культурных героев и успешных кейсов, связанных с использованием государственного языка.

Заключение

Лингвоцид в Кыргызстане — не мифическая угроза, а текущая реальность, медленно подрывающая основы национальной безопасности. В условиях гибридных вызовов языковая асимметрия приобретает характеристики **низкоинтенсивного, но системного риска**, воздействующего на когнитивные, идентификационные и институциональные основы государства.

Анализ институциональных практик и, в особенности, речевого портрета молодежи показывает глубину и системность проблемы.

Без сильного, живого, функционального кыргызского языка, пронизывающего все сферы жизни — от науки и технологий до поп-культуры и повседневного общения, — любые разговоры о суверенитете и стабильности останутся риторикой. Будущее Кыргызстана как суверенного государства напрямую зависит от его способности защитить, развить и сделать притягательным свой главный культурный код — родной язык. Противодействие лингвоциду следует рассматривать как элемент защиты национального символического и когнитивного пространства государства, необходимый для обеспечения устойчивого развития в условиях глобальных вызовов.

Список литературы

1. Алпатов В. М. 150 языков и политика: 1917–2000. — М.: Крафт+, 2000. — 384 с.
2. Бузан Б., Вэвер О., де Вильде Я. Безопасность: новая рамка анализа. — М.: Идея-Пресс, 2011. — 240 с.
3. Мегоран Н. Язык и этничность в Кыргызстане // Центральная Азия и Кавказ. — 2000. — № 3–4. — С. 85–101.
4. Павленко А. Языковые права и права носителей языка // Социолингвистика. — 2011. — Т. 15. — № 1. — С. 1–25.
5. Саид Э. Ориентализм. — СПб.: Русский мир, 2006. — 640 с.
6. Скутнабб-Кангас Т. Лингвистический геноцид в образовании или всемирное языковое разнообразие и права человека. — М.: Гнозис, 2010. — 352 с.
7. Фанон Ф. Черная кожа, белые маски. — М.: Академический проект, 2008. — 256 с.
8. Phillipson R. *Linguistic Imperialism*. — Oxford: Oxford University Press, 1992. — 365 p.
9. Bourdieu P. Language and Symbolic Power. — Cambridge: Polity Press, 1991. — 302 p.
10. Fishman J. A. Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages. — Clevedon: Multilingual Matters, 1991. — 431 p.